

МОСКОВСКАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ПОДСТУПЫ К ПОНИМАНИЮ ЧЕЛОВЕКА

А. И. Булгаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 14 декабря 2021 г.

Аннотация: в статье исследуется проблема человека в современной философии, характерными признаками которой признается время антропологической катастрофы, с одной стороны, и антропологической революции – с другой. В первом случае это касается западной философии в целом и цифровой философии в частности, поскольку понимание философии как онтологии отказывает человеку в основаниях быть человеком, что делает возможным отрицание проблем и ограничений в том, чтобы заменить людей на базы данных. Во втором случае мы имеем дело с современной русской философией, а именно – с разрабатываемой Московской антропологической школой сингулярной философией, которая исходя из понимания философии как антропологии находит правовой источник человека, поскольку его взор обращен не к миру, а к самому себе. Такое открытие обнаруживает принципиальную невозможность замены людей на базы данных.
Ключевые слова: Московская антропологическая школа (МАШ), сингулярная философия, человек, антропологическая революция, цифровая философия, онтология, цифра, антропологическая катастрофа.

Abstract: the article examines the problem of a person in modern philosophy. The characteristic features of this problem are recognized as the time of the anthropological catastrophe, on the one hand, and the anthropological revolution, on the other. In the first case, this applies to Western philosophy in general and digital philosophy, in particular, since the understanding of philosophy as an ontology denies a person the grounds to be human, which makes it possible to deny fundamental problems and limitations in replacing people with databases. In the second case, we are dealing with modern Russian philosophy, in particular, with the singular philosophy developed by the Moscow anthropological school, which, through understanding philosophy as anthropology, finds the legal source of man, since his gaze is turned not to the world, but to himself. This discovery reveals the fundamental impossibility of replacing people with databases.

Key words: Moscow Anthropological School (MAS), singular philosophy, man, anthropological revolution, digital philosophy, ontology, digital, anthropological catastrophe.

«Философия сегодня перестала быть любовью к мудрости... Философия для нас – это сознательное сумасшествие» [1]. С этого утверждения начинается текст манифеста Московской антропологической школы (МАШ), в котором изложена концепция сингулярной философии, автором которой является философ Федор Иванович Гиренок. Этому направлению мы будем придерживаться в данной работе, исследуя вопрос определения человека, а настоящее исследование нужно понимать как

развитие темы «Идея антропологической революции в современной философии» [2].

Итак, что означает высказывание: «Философия сегодня перестала быть любовью к мудрости»? При первом прочтении этого фрагмента может возникнуть естественное чувство возмущения, желание не согласиться, ведь образ философии настолько слился с любовью к мудрости, что, казалось бы, это уже не вопрос обсуждения, а непреложный факт. Но вместе с тем разве вопрос факта для философии не должен рассматриваться как явление, в корне противоестественное по отношению к той особой области, куда обращен взор философствующего.

Вопрос факта для философии – это банальная нелепость. С этим утверждением трудно не согласиться. И, говоря так, мы уже рискуем впасть в эту нелепость. Но почему мы всё же берем на себя такой риск, и вопросу этого факта уделяем такое внимание? Здесь мы не можем позволить себе коснуться темы риска, лишь заметим, что, когда мы рискуем, мы уже уклоняемся от области так называемой «фактуальной реальности».

«Фактуальная реальность» – это реальность, определенная и опосредованная фактами. Этим обозначением мы лишь хотим добиться цели постановки этой «реальности» в плоскость некой дистанции от нас. При этом должно подчеркнуть, что оборот «фактуальная реальность», как и само понятие «реальности», взяты в кавычки не случайно. Эти кавычки означают очень простую мысль, которая в манифесте выражена так же не просто: «Никакой реальности самой по себе нет» [1]. Но это высказывание означает лишь то, что любая реальность не может являться реальностью самой по себе, поскольку всегда опосредована тем, кто ее опосредует, поэтому реальности самой по себе нет – возможно только, как скажет Ф. И. Гиренок, чувство реальности [там же]. При этом реальность должна быть взята в кавычки, а чувство реальности – нет. Почему? Потому что нельзя поставить в кавычки человека, но это одновременно не должно вводить в совершенное заблуждение относительно определения человека, поскольку человека нет вообще, как и нет вообще реальности самой по себе.

«Человек»

И в этом смысле человека, как понятие, точно так же можно поставить в кавычки, как и реальность. Более того, с человеком можно поступить так же даже и тогда, когда мы имеем дело не только с его понятием, как некой категорией, но и тем, что предстает перед нами, когда мы видим конкретного человека. Чтобы пояснить эту мысль, приведем здесь прекрасную кинематографическую зарисовку этого соображения: «Вот фигура человека. Человек встал. Человек пошел. Человек оглянулся. Мы видим его лицо. Что мы можем сказать о человеке? – спрашивает Н. Н. Ростова и отвечает: – Ничего» [3, с. 361]. Но пойдём далее и поставим человека перед зеркалом. Вот он перед ним встал и смотрит на свой силуэт. Что он видит? «Что на него, – говорит она, – глядит “черный человек”. Что такое “черный человек”? “Черный человек” – это то, что

ускользает от взгляда внешнего, то непостижимое, которое оказывается непостижимостью для самого себя... Что человек может сказать о себе? Он может сказать о “черном человеке”. Но как высказать эту истину? На каком языке? Не будет ли высказывание о человеке приближено к искусству, например, к автопортрету Анатолия Зверева, на котором изображено не лицо, но сморщенное яблоко? Или к обреченному на незавершенность портрету Уильяма Блэйка, выполненному Фрэнсисом Бэйконом? На портретах и автопортретах Шиле мы обнаруживаем вместо лица до гангрены разросшийся зуб. Имеет ли этот зуб адекватный терминологический перевод?» [там же].

Это значит, что и тогда, когда человек оказывается поставлен перед зеркалом, мы не имеем дело с человеком. Более того, в сравнении с определением реальности как реальности самой по себе или, как мы определили, «фактуальной реальности» человек в этой ситуации оказывается в более худшем положении, поскольку «фактуальная реальность» объективирована отношением к вещам, человек же в зеркале объективирует отношение к себе – и в этой объективации приходит, согласно мысли Ростовской, к достаточно чудовищному самоопределению – к «черному человеку», а это фактически будет определение себя через Другого. Как в таком случае должен пониматься Другой? Как тот, который заставляет тебя, согласно Достоевскому, по Гиренку, смотреть на себя с отвратительной точки зрения [4], и это будет так, поскольку этот взгляд на себя будет определен не реальными чувствами ближнего, а внешним, пространственным отношением к себе, которое мы можем почувствовать, когда смотрим на себя в зеркало и не чувствуем себя в порядке.

Конечно, когда человек смотрится в зеркало и при этом не ужасается, то это совсем не значит, что он не ужасен или, наоборот, не прекрасен. Это значит, что он не смотрит на себя, а смотрит на свое изображение как на изображение вещи или другого человека. Таким образом, если мы смотрим на свое изображение в зеркале и чувствуем себя в порядке, с нами происходит еще худшее, чем если бы мы видели «черного человека», поскольку наш образ оказывается помещен в «фактуальную реальность» подобным образом, как какая-нибудь вещь, красивая на вид или нет – это уже не имеет значения. Поэтому мысль, подуманную или высказанную так: «Я именно тот человек, которого я вижу, когда смотрю на себя в зеркало», – едва ли можно от кого-либо услышать, хотя можно предположить, что в большинстве случаев человек, не задумываясь об этом, считает именно так. И это, возможно, самый худший вариант, но и, по всей видимости, беремся предположить, самый распространенный.

Что может означать эта отождествленность? Отсутствие самоопределения и, тем самым, произвольное вписывание себя в горизонт пространственного отношения к самому себе, опосредованного нахождением своего тела в пространстве. Но человек – это не его тело, говорил еще Платон. А что? Его душа [5, с. 454]. Видим ли мы душу, когда смотрим в зеркало? Нет. В лучшем случае мы видим «черного человека» или своего двойника через взгляд на себя Другого.

Но кто такой Другой согласно сингулярной философии и какую он роль играет в этом отрицательном определении человека? Другой связан с приспособлением, социализацией человека. А социализация человека, говорит Гиренок, – «это приобретение навыка не думать самому, но знать, как надо правильно говорить о кажущихся вещах. Зачем нужен социум? Затем, чтобы человек не сходил с ума. Социум тебе говорит: я спасу тебя. Но ты не пытайся думать сам. Я дам тебе язык. Язык уже всё знает. Тебе нужно научиться правильно говорить о кажущихся вещах. Когда другой молчит, он приемлем, а когда другой говорит, он невыносим. Другой заставляет тебя симулировать, делать вид. В нем коренится источник неподлинного» [6, с. 127].

Таким образом, подводя итоги в этом вопросе «определения» человека, а точнее освобождения человека от этого определения, мы приходим к необходимости поставить кавычки не только по отношению к «фактуальной реальности», но и не соответствующим модусам определения человека. В этот список войдут: во-первых, понятие человека как абстрактной категории; во-вторых, определение человека, которое мы можем составить по его внешнему образу и его движениям; в-третьих, определение самого человека, составленное по своему отражению в зеркале, допуская различные варианты отношения к этому изображению: в согласии с ним или нет и, наконец, определение себя через Другого.

Что такое человек сам по себе?

Может возникнуть вопрос, почему мы останавливаемся так подробно на этой теме? Ведь жил человек всё это время, не углубляясь и не ставя вопрос о самом себе, по крайней мере, так можно совершенно точно сказать относительно европейской философии, которая, как заметит Гиренок, «за две тысячи лет не смогла даже поставить вопрос о человеке» [там же, с. 9].

Аналогичную оценку даст Фуко, когда скажет в интервью Бадью: «Философия никогда по-настоящему не исследовала вопрос о природе человека» [7].

Почему так произошло, задастся вопросом Гиренок? И выскажет такое предположение: «...потому что всех нас соблазнил Аристотель». Чем он соблазнил? Тем, что основным вопросом метафизики сделал вопрос «что есть сущее?» [6, с. 9].

В результате такой постановки человек будет определен через его пространственную координату, заданную отношением сущего к человеку. Что это за координата? Тело человека. Поэтому, согласно Аристотелю, душа будет определяться через тело, как «первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью. А таким телом может быть лишь тело, обладающее органами» [8, с. 395].

«Никогда, – напишет Гиренок, – человек не знал себя так плохо, как знает он себя сегодня, ибо сегодня знания о человеке скрывают от нас человека. Почему? Потому что они помещают человека в горизонт сущего, в котором существование человека отсылает к существованию вещей» [9,

с. 60]. Но именно такая постановка вопроса о человеке приведет к завершению философии, поскольку, как отметит Хайдеггер, философия мыслила человека как *animalitas* и не домысливала до него как *humanitas* [10, с. 198].

Но что значит этот конец философии? И тут мы подходим к вопросу о том, почему сегодня возникает такая острая необходимость пересмотра вопроса о человеке.

Триумф научно-технического мира: конец философии и науки

«Мы стоим у истоков революции, – заявляет основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб, – которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всём предыдущем опыте человечества» [11, с. 8].

В чем суть этой революции, если опустить столь навязчиво пропагандируемый качественный скачок технологического применения средств производства, обещающих небывалый рост уровня комфорта, комфорта потребления?

Основная суть состоит в переносе техники и технологии со сфер производства на сферу культуры, но главное – на человеческий вид, когда «небиологическая часть станет превалировать, а биологическая потеряет свое значение» [12].

В результате, как заметил Г. Киссинджер, может возникнуть мир, опирающийся на машинный интеллект, управляемый данными и алгоритмами, который не только изменит техническую основу нашей жизни, упростив и сократив человеческую деятельность, но, прежде всего, изменит человеческое мышление и человеческие ценности, а людей превратит в данные. Таким образом, если не будут предприняты необходимые предотвратительные меры и решения, «очень скоро мы поймем, что уже опоздали» [13].

Но если Киссинджер спохватится об этом вопросе только в 2018 г., то Хайдеггер ответил на него уже несколько десятилетий назад. В 1966 г. в интервью сотрудникам журнала «Шпигель» на вопрос о том, может ли отдельный человек или философия что-то сделать, чтобы предотвратить неизбежное наступление планетарного движения техники нового времени, которое либо ведет к появлению абсолютно технического государства, либо уже привело к нему, Хайдеггер сказал: «Если мне будет позволено ответить коротко и, может быть, немного грубо, но на основе долгих размышлений: философия не сможет вызвать никаких непосредственных изменений в теперешнем состоянии мира. Это относится не только к философии, но и ко всем чисто человеческим помыслам и действиям (*Sinnen und Trachten*). Только Бог еще может нас спасти. Нам остается единственная возможность: в мышлении и поэзии подготовить готовность к явлению Бога или же к отсутствию Бога и гибели; к тому, чтобы перед лицом отсутствующего Бога мы погибли» [14, с. 241]. При-

чину этого неотвратимого исхода «триумфа управляемой организации научно-технического мира...» [15] М. Хайдеггер увидит в том, что философия пошла на поводу науки, которая потом, в свою очередь, окажется на поводу у кибернетики.

Однако этот триумф научно-технического мира ставит конец философии и науки в прежнем их отношении друг другу, тем самым освобождая их от старых связей, позволяя им прийти к их подлинному взаимоотношению: «Только тогда, – отметит Хайдеггер, – когда признают, что науку и мысль разделяет пропасть, – их взаимоотношение станет подлинным» [16].

Фундаментальная онтология и сингулярная философия: свобода для бытия или свобода от сущего в человека

Отношение к технике в вопросе о человеке Хайдеггер сформулировал довольно однозначно: «Техника всё больше отрывает человека от земли и лишает его корней... Нам даже не нужно атомной бомбы, искоренение человека налицо» [14, с. 240]. В этой радикальной критике техники сингулярная философия не уступает Хайдеггеру. Но в одном и другом случаях видятся разные выходы.

В сингулярной философии также четко намечается резкое противопоставление науки, возглавляемой сегодня дигитальной философией, и философией, но понимаемой как антропология. Хайдеггер видит выход в его концепции бытия, в сингулярной философии делается другой ход – ход к вопросу о человеке самом по себе, т. е. к вопросу, который может быть поставлен о человеке в своем собственном контексте.

Однако, как считает Гиренок, Хайдеггер не понял, что произошло, когда, комментируя «Парменида», напишет: «То, что есть снаружи, и что вообще есть, будь то “снаружи”, “внутри” или “вне” пространства, – об этом мы знаем только из знания бытия, которое само бытийствует как свободное, в чьем просвете сущее находит вход в несокрытость, из несокрытости восходящее в проявление, а с ним – лад присутствия» [6, с. 80]. Это ошибка Хайдеггера, говорит Гиренок. Почему? Потому что, для того чтобы бытийствовало бытие как свободное, ему нужен человек. Но свобода относится не к бытию, а к человеку. И ее смысл раскрывается в другом: будучи помещенным в состав сущего, не совпадать с собой. Для Хайдеггера иначе. Для него человек – часть сущего: «Человек – сущее среди прочего сущего» [17, с. 26]. Хайдеггер думал, что снаружи и внутри одно и то же, и это одно и то же зовут бытием, но снаружи – вещи, а внутри – грезы. Одно существует, другое дано человеку. «Парадокс, – говорит Гиренок, – состоит в том, что то, что существует, нам не дано, а то, что не существует, нам дано. Можно отказаться от того, что существует, но нельзя отказаться от того, что нам дано. Ибо для этого нам надо отказаться от самих себя. Наша ошибка состояла в том, что мы думали, что у нас есть доступ к вещам самим по себе, но это не так. У нас есть доступ только к призракам, которые существуют во времени. А к тому, что существует в пространстве, у нас нет доступа». Поэтому то, что одно и то же, зовут не бытием, а цифрой [6, с. 80].

Вопрос отношения принадлежности свободы к бытию или человеку будет исследован в работе Гиренка «Признаки постхайдеггерианского мышления» [18], в завершение которой он сформулирует тезис о необходимости постхайдеггерианского мышления, смысл которого состоит в понимании того, что философия – это не онтология, а антропология, а это значит, что вопрос о бытии должен определяться через вопрос о том, что такое человек. Более того, как заключит Гиренко, «философия после Хайдеггера отказывается понимать человека как сущее среди сущего. Человек не привратник бытия. Бытие ничего не значит без воображающего понимания человека. Поэтому философия отказывается от бытия в пользу субъективности, заменяя опыт воображением, идею конечности человека — идеей его невозможности» [там же, с. 25].

Таким образом, необходимость постхайдеггерианского мышления состоит в том, чтобы, подобно случаю с Аристотелем, не быть соблазненными Хайдеггером, поскольку, отличая *humanitas* человека от *animalitas*, он делает это лишь для того, чтобы заново поставить вопрос о сущем.

МАШ: мышление и интеллект, сознание и мозг

Киссинджер обеспокоенно говорит, что машинный интеллект, управляемый данными и алгоритмами, вскоре может заменить мышление, а человека превратит в данные, но разве можно свести мышление к интеллекту, а сознание к мозгу? Разве человека возможно поместить в цифру? Не допускается ли при этом смешении какая-то грубейшая ошибка?

Как и для Хайдеггера, так и для Гиренка между наукой и философией должна пролегать пропасть, ибо при их смыкании приходит их конец, но главное – за этим концом наступает катастрофическое положение для человека. Этим смыканием сегодня занимается кибернетика, философским обоснованием которой выступает дигитальная философия. В чем ее суть? В легитимизации схлопывания внутреннего мира и внешнего в цифре. К чему приводит эта легитимизация? К тому, что цифра завершает деантропологизацию мира. В результате чего, например, мы имеем торжествующую Европу, пронумеровавшую родителей и половую принадлежность человека, а также культуру, в которой нет скрытой стороны жизни, т. е. нет той стороны, которая могла бы позволять человеку поступать не по праву, а по совести [1]. Жизнь по праву, без возможности жить по совести, – это и есть путь гибели для человека, путь к превращению его в базы данных.

Поэтому Гиренко говорит: «Мы не хотим подчиняться губительной судьбе современной науки и технологии... Сегодня многие думают, что наука – это мера мышления. Мы думаем иначе. Технологическое применение науки убивает науку. Наука сегодня не мера мышления, а его противник... Наше мышление уже само по себе должно перестать быть техническим, чтобы не подпасть под власть науки и техники» [там же].

Что значит «мышление должно перестать быть техническим»? Это значит, что мышление должно найти другую форму выражения мысли – не логическую, не понятийную, потому что мыслить логически сегодня

ня – значит встраиваться в ряды волонтеров дигитальной философии, а значит, идти по пути отказа от себя.

Согласно сингулярной философии, «мышление – это спонтанность», а мыслят парадоксами, многозначными образами: «Язык ищет не число, а метафору. Мы любим парадокс, а не логику. Мы ищем абсурд, а не истину. Мы не из тех, кто хочет вернуться назад к Аристотелю» [там же].

Сингулярной философией не принимается и жестко критикуется определение человека как разумного животного, как существа биосоциального. Почему? Потому что человек – существо не пространственное, а временное, а время человека – это его сознание: «Мы знаем, – пишет Гиренок, – что было время, когда люди не отличались от животных. Это было время до мифа. Но мы знаем, что затем был взрыв галлюцинаций. И появилось фундаментальное различие между нами и ними. Мы – люди времени. Они – пространственные существа. У них интеллект упакован в инстинкт. У нас естественный интеллект упакован в сознание. Мы смеемся над учеными, которые хотят вытащить его из этой упаковки. Они думают, что причина сознания лежит вне сознания. Философия же всегда знала, что причина сознания лежит в самом сознании» [1].

Сознание, замечает Гиренок, это не трудная проблема. Источник сознания не в мозге. Сознание связано с чувством себя и начинается с воображения, а раскрывается оно через работу по преодолению бессмысленного в жизни человека. Что такое бессмысленное? Это причина реальности, которой ты не являешься. Поэтому сингулярную философию не интересует язык; более того, в языке сингулярная философия видит причину антропологической катастрофы, смысл которой состоит в том, что язык встал на место сознания. Что такое язык? Наше бессознательное. К чему привело его открытие? К тому, говорит Фуко в интервью Бадью, что «благодаря наблюдениям за бессознательным мы наконец осознали, грубо говоря, что никакого человека на самом деле не существует», а родители наши – мама и папа – не больше, чем фигуры бессознательного [7].

Но бессознательное – это не сознание человека, а лишь его тонкоматериальная среда, которая посредством присутствия сознания и работы интеллекта, оперирующего языком, видимость реальности выдает за реальность. Одновременно это и плюс, и минус. Плюс, потому что тем самым длится наша вера в жизнь, а минус в том, что человек, забываясь, мгновение выдает за вечность, а тело – за свое тело. Именно благодаря устройству этой «оптики» обеспечивается возможность поддержания любого целеполагания.

Поэтому не случайно, развивая антропологическое учение Канта, поставившего вопрос «что такое человек?» главным вопросом философии, но не давшего на него ответ, Гиренок, находясь в поиске этого ответа, для его решения предложит добавить к этому вопросу следующее уточнение: «как если бы он существовал как своя собственная цель» [18 с. 24]. Таким образом, можно сказать так, что верой обеспечивается цель, а целью длится вера. Значение веры для сингулярной философии огромно,

Гиренок скажет: «человек – это его вера» [6, с. 157]. Вера в сингулярной философии признается первым признаком сознания.

В начале своей работы мы привели первые слова из манифеста МАШ о том, что сегодня философия перестала быть любовью к мудрости, а стала делом сознательного сумасшествия, но уклонились от комментария. Теперь, после изложенного, хотелось бы вернуться к этому высказыванию и пояснить его.

В манифесте это пояснение приведено сразу: «Почему сумасшествие? Потому что быть сумасшедшим – это единственный способ в эпоху числовых измерений не быть исчисленным. Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг. Почему сознательное? Для того чтобы избежать пребывания в доме для сумасшедших» [1].

Быть сумасшедшим, чтобы не быть оцифрованным, – это понятно. Быть сознательно сумасшедшим, чтобы избежать дома для сумасшедших, – это тоже понятно. Но что понятно? Понятно, что с приходом кибернетики и дигитальной философии радикальным образом меняются условия пребывания человека в мире, вследствие чего возникает необходимость не менее радикального переосмысления происходящего. Для чего? Для того чтобы могли быть выработаны адекватные этим изменениям стратегии жизни и поступков в нем. В сингулярной философии эти изменения не принимаются, как сами собой происходящие, потому что отрицается реальность, причиной которой не является человек.

Более того, в процессе осмысления этих изменений выясняется, что как раз вследствие того, что в западной философии вопрос этой причины не был осмыслен как вопрос первичной реальности, а главным делом этой философии стала онтология, которая «за две тысячи лет не смогла даже поставить вопрос о человеке», мы получили мир, который человек не только не может осмысливать и понимать, но вскоре может стать так, что он едва ли в нем сможем жить.

По этому поводу в Московской антропологической школе задаются вопросом: что нам нужно сегодня? И дается такой ответ: «Нужно, чтобы Запад незаметно ушел со сцены мировой истории. Ушел и забрал с собой онтологию... А он не уходит и упорствует в своем антиантропологизме» [19, с. 157]. Московская антропологическая школа не ограничивается лишь пассивным ожиданием этого ухода, а объявляет западной философии антропологическую революцию [2].

Литература

1. *Гиренок Ф. И.* Философский манифест Московской Антропологической Школы / Ф. И. Гиренок. – URL: <http://fedor-girenok.ru/manifest/>
2. *Булгаров А. И.* Идея антропологической революции в современной философии / А. И. Булгаров // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2021. – № 3. – С. 81–92.
3. *Ростова Н. Н.* Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека : монография / Н. Н. Ростова. – М. : Проспект, 2017. – 432 с.

4. *Гиренок Ф. И.* Кто мы? О русском и советском дискурсах и разрыве между ними / Ф. И. Гиренок. – URL: https://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/fedor_girenok.php
5. *Платон.* Полн. собр. соч. : в одном томе / Платон. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2016. – 1311 с.
6. *Гиренок Ф. И.* Введение в сингулярную философию : монография / Ф. И. Гиренок. – М. : Проспект, 2021. – 304 с.
7. *Фуко М.* В интервью Бадью А. / М. Фуко. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-michel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>
8. *Аристотель.* Соч. : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
9. *Гиренок Ф. И.* Подступы к философии человека / Ф. И. Гиренок // Научные труды Моск. гуманит. ун-та. – 2018. – № 2 – С. 52–60.
10. *Хайдеггер М.* Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
11. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М. : Эксмо, 2019. – 285 с.
12. *Kurzweil R.* The accelerating power of technology / R. Kurzweil. – URL: https://www.ted.com/talks/ray_kurzweil_on_how_technology_will_transform_us
13. *Kissinger H. A.* How the Enlightenment Ends / H. A. Kissinger. – URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2018/06/henry-kissinger-ai-could-mean-the-end-of-human-history/559124/>
14. *Хайдеггер М.* Интервью журналу «Шпигель» / М. Хайдеггер // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М. : Наука, 1991. – С. 233–250.
15. *Хайдеггер М.* Конец философии и задача мышления / М. Хайдеггер. – URL: <https://vox-journal.org/content/vox5haidegger.pdf>
16. *Хайдеггер М.* Интервью журналу «Экспресс» («L'Express») / М. Хайдеггер. – URL: <https://www.liveinternet.ru/community/2281209/post169912866/>
17. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / М. Хайдеггер. – М. : Академ. проект, 2013. – 288 с.
18. *Гиренок Ф. И.* Признаки постхайдеггерианского мышления / Ф. И. Гиренок // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. – 2019. – № 2. – С. 19–25.
19. *Гиренок Ф. И.* О галлюцинозе сознания / Ф. И. Гиренок // Российский гуманитарный журнал. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 85–89.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Булгаров А. И., соискатель кафедры философской антропологии

E-mail: Bulgarov-333@mail.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Bulgarov A. I., Applicant at the Philosophical Anthropology Department

E-mail: Bulgarov-333@mail.ru